

Горький-драматург

В 1899 году Художественный театр выехал в Ялту, чтобы показать больному Чехову его спектакль «Дядя Ваня». «Это была весна нашего театра, — вспоминает Станиславский, — самый радостный период его молодой жизни. Антон Павлович не может приехать к нам, так как он болен, поэтому мы едем к нему, так как мы здоровы. Артисты, их жены, дети, няни, рабочие, бутафоры, костюмеры, парикмахеры, несколько вагонов имущества в самую распутицу двинулись из холодной Москвы под южное солнце».

В ялтинском домике Чехова вместе с Художественным театром собралось много писателей. Были Мамин-Сибиряк, Елпатьевский, Куприн, Бунин и др. Был тут и отдыхавший в Ялте Максим Горький. Вл. Ив. Немирович-Данченко так описывает свою встречу с Горьким. «Когда приехали в Ялту, было уже совсем темно. Надо было застать Чехова еще не спящим, и поэтому я забросил чемодан в гостиницу и поехал отыскивать дачу Чехова. Долго не было ни души, не у кого спросить, как вдруг из темноты выдвинулась фигура в рабочей блузе, в матросском плаще, в мягкой шляпе, в высоких сапогах. Я остановился, остановилась и эта фигура и пристально начала в меня всматриваться. Я спросил, не знает ли он, где тут дом Чехова, на что получил тотчас же точный ответ. С сильным нижегородским акцентом на «о». Мягким баском. Мне и в голову не пришло, что это был Горький, я был так далек от мысли, что он может быть в Крыму. Осталась только во мне странная струйка впечатления, что этот человек смотрел на меня как будто рассматривал с некоторым интересом. Когда я приехал к Чехову, первое, что он ска-

зал:

— А тут только-что был Горький. Он все тебя ждал.

На другое утро произошла встреча Горького с Художественным театром. Он обещал написать пьесу для театра. «В 1902 г., — вспоминает Немирович-Данченко, — Алексей Максимович сдал в театр «Мещан», но сразу, передавая пьесу, уже говорил, что у него в замысле другая, более важная, более нужная. И даже тогда начали репетировать «Мещан», он мало интересовался постановкой, занятый следующей пьесой. Эта следующая — «На дне» — была написана даже до того, как «Мещане» появились на сцене. Тоже весной 1902 года, приехавши в Ялту, я узнал, что Алексей Максимович живет в Олензе и, когда я к нему туда приехал, он мне прочел два первых акта «На дне». Это было в мае, а в августе я уехал к нему в Арзамас, где он мне прочел уже всю пьесу. В самой первой редакции пьеса называлась «На дне жизни».

Первое представление «Мещан» состоялось в Петербурге во время гастролей там Художественного театра весной 1902 года. «На дне» поставлена в Москве осенью того же года.

Это и были театральные дебюты молодого Горького.

Пьесой «На дне» заканчивается романтический период творчества Горького. Здесь уже некоторая переоценка ценностей. Изжита буйная философия Гришки Орлова — «раздробить всю землю в пыль». В этой анархо-философии нет спасения. Не она решает ту правду, которую так страстно ищет Горький.

Где же она, эта правда? «Я знаю, — отвечает в «На дне» Сатин, — человек

— вот правда. Кто слаб душой и кто живет чужими соками, тем ложь нужна... А кто сам себе хозяин, кто независим и не жрет чужого, зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — бог свободного человека. Человек. Это звучит гордо».

Конечно, это слова и мысли самого Горького. Они направлены против странника Луки с его «возвышающим душу обманом», с его философией непротивленческого утешенья.

В 1933 году, возвращаясь в статье «О пьесах» к Луке из «На дне», Горький писал: «Наиболее распространен среди бродяг и странников «по святым местам» утешитель-профессионал, ремесленник, — он утешает, потому что за это кормят. С такими утешителями вполне выдерживают сравнение современные европейские журналисты из тех, которые утешают «страдающих и обремененных» капиталистов». В 1928 году курские красноармейцы обращаются к Горькому с вопросом — «почему в пьесе «На дне» нет сигнала к восстанию». Горький отвечает — «сигнал этот можно услышать в словах Сатина, в его оценке человека».

Совершенно правы были утверждавшие, что по существу «На дне» пьеса уже не о бытоске, а о человеке, который должен «звучать гордо». «На дне» и «Мещан», написанных одновременно, надо, конечно, ставить в связь, как это делает В. Воровский. «Мещанами», как известно, начинался ряд пьес, посвященных мещанству значительной части русской интеллигенции. Это — «Дачники» (1904 г.), «Дети Солнца» (1905 г.) и «Варвары» (1906 г.). «Сам выйдя из того ада, — пишет Воровский, — который называется жизнью народной, пройдя все девять кругов мытарств и страданий, полагающихся на долю среднего пролетария, Горький вынес оттуда крик бездонного горя и жгучую ненависть к виновникам этого горя. И тут-то, на благоустроенной поверхности жизни,

с негодованием заметил он, что между страдающими низами и торжествующими верхами стоит плотной толпой особый слой — пресловутая интеллигенция, успешная к тому времени опуститься, разжиреть, оплошиться и устроить себе сытое мещанское благополучие. И с ненавистью бросил он дерзкие слова этой интеллигенции».

Горький видит, как резко пути опустившейся и «разжиревшей» интеллигенции расходятся с поисками той правды, носителем которой является пролетариат, как они вредят ей, помогая угнетению и кабале масс: Этой теме посвящена пьеса «Враги», написанная еще в 1906 году, но появившаяся на сцене только после Октября. Царской цензурой, буквально «охотившейся» за Горьким-драматургом, «Враги» были решительно запрещены.

Вершиной драматургического творчества Горького надо признать «Егора Булычева». В рамках пьесы Горькому удалось уложить эпопею, охватывающую огромную полосу исторического процесса эпохи капиталистического стяжания от ее кулацко-«мужиковствующих» корней до керенщины и миллиоковщины. Егор Булычев как бы синтез всей галереи героев горьковской драматургии, исторически смыкающейся с Островским и разоблачающей того «бога», которому молилось «темное царство», начиная от Тит Тытыча и кончая Достигаевым и другими европеизированными «рыцарями финансового капитала».

Всего Горьким написано 16 пьес — «Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети Солнца», «Варвары», «Враги», «Последние», «Дети» (на сцене не шла), «Чудак», «Васса Железнова», «Зыковы», «Фальшивая монета» (не ставилась), «Старик», «Работяга Словоглаголов», «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие».

Горький не только воинствующий драматург. Он и воинствующий зритель.

— Когда в 1913 году, в канун империалистической войны, была поставлена инсценировка романа Достоевского «Бесы», Горький дважды выступил в печати с горячим протестом против инсценировки романа, представляющего собой пасквиль на русское революционное движение.

Для Горького театр — прежде всего общественная трибуна, где через социально-идейное определяется художественное. «Киплинг, — писал Горький, — очень талантлив, но индусы не могут не признать вредной его проповедь империализма. И Достоевский велик и Толстой гениален, но Русь и народ ее значительней, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина».

Против Горького поднялся буквально «вой», как определял Ленин, буржуазной печати. Но за Горького выступили рабочие общественность и пролетарская печать.

«Обсудив ваше выступление против постановки «Бесов», — писала Горькому группа рабочих-учащихся (№ 23 «За правду»), — мы искренно присоединяемся к вашему протесту. Под видом служения искусству позорно проповедывали мракобесие, позорно служили реакции. Пусть на вас льют помой все, кто утратил настоящую идейную почву, все испуганные приближением пробуждающейся демократии. Грязь, брызжащая от писаний литераторов из «Бирюшки», не запятнает пролетарского певца — поэта низов — перед лицом пробуждающегося рабочего класса».

«Пусть никого из рабочих не смутит, — гласило другое письмо (членов общества образования за московской заставой, № 23 «За правду»), — всеобщее негодование писателей буржуазии. ...Мы вместе с Максимом Горьким протестуем против проповеди в театре мракобесия, хотя бы и талантливей. Все демократы должны выступить против фигляров буржуазии, вроде Соллогуба, и встать на защиту честного и мужественного порыва М. Горького».

Редакция «За правду» вполне правильно подняла весь этот спор на политическую высоту и, подытоживая его, писала:

«На вопросе о Достоевском столкнулись два мира. Пролетарский мир в лице Максима Горького выступил против соглашения с реакцией, против антисемитизма, против неблагородства человеческой души. И против него другой мир, готовый обниматься и с реакцией и с антисемитизмом, готовый продать все благородство души первому, кто пожелает выступить покупателем. На этом примере рабочие должны учиться понимать те далеко неблагородные воззрения, которые обычно строятся под пышными фразами о святости искусства и о чистом искусстве».

Выступление Горького имело громадное значение. В удушливой атмосфере предвоенной спекуляции и политической реакции оно прозвучало революционным призывом. Оно разоблачало интеллигентско-либеральное словоблудие и ставило его в прямую связь с классовыми интересами.

Провокатор Гурович доносил в департамент полиции, что «Пешков удачно соединяет легальные занятия (участие в редакциях, обществах и т. п.) с подпольной деятельностью и таким образом всякое легальное дело превращает в революционное». Совершенно верно. Гуровичи отлично понимали, что и пером драматурга Горький тоже «превращал легальное дело в революционное», в борьбу за то, чтоб человеку «жилося лучше», чтоб человек «звучал гордо».

Перед советским театром огромная и почетная задача — освоить горьковское драматургическое наследие во всей его глубине. И передать в века и века славное имя великого борца за человеческое счастье.

ЗМ. БЕСКИН.